

ОБ АНАЛИЗЕ ПОВЕРХНОСТНОГО И ГЛУБИННОГО СМЫСЛА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Н. С. Болотнова

Аннотация. В статье рассмотрены понятия поверхностного и глубинного смысла поэтического текста с учетом их особенностей в рамках коммуникативно-деятельностного подхода к тексту с опорой на методологическую базу коммуникативной стилистики. Выявлены факторы, значимые для интерпретации эстетического содержания поэтического текста. К ним отнесены уровневая организация поэтического текста и средства и способы его регулятивности. Поверхностный смысл репрезентируется предметно-логическим (денотативным), тематическим и сюжетным уровнями; глубинный смысл — образным, эмоционально-оценочным и идеально-эстетическим уровнями его организации. Поверхностный смысл формируется на основе регулятивных доминант и эксплицитной регулятивной стратегии текста, глубинный смысл — слабыми регулятивными средствами и имплицитной регулятивной стратегией.

Ключевые слова: поэтический текст, поверхностный и глубинный смысл, коммуникативная стилистика, уровни текста, теория регулятивности.

ANALYZING THE SURFACE AND DEEP MEANING OF A POETIC TEXT

N. S. Bolotnova

Abstract. This article explores the concepts of surface and deep meaning of a poetic text, adopting the methodology of communicative stylistics and taking into account the specific features of these concepts within the framework of the communicative-activity approach. The article identifies factors that are significant for the interpretation of the aesthetic content of a poetic text. These include the multi-level organization of a poetic text and its regulative methods. Surface meaning is represented by the subject-logical (denotative), thematic and plot levels, while deep meaning is represented by figurative, emotional-evaluative and ideological-aesthetic levels. Surface meaning is formed on the basis of regulatory dominants and the explicit regulatory strategy of the text, whereas deep meaning is formed by weak regulatory means and the implicit regulatory strategy.

Keywords: poetic text, surface and deep meaning, communicative stylistics, text levels, regulatory theory

Введение

Проблема смысловой интерпретации любого текста является ключевой в межличностной и массовой коммуникации. Желание быть понятым другим — главное в жизнедеятельности любого человека в силу его социальной сущности. Понимание рождается в процессе общения на основе текстовой деятельности. В связи с этим проблема ин-

терпретации текста является одной из глобальных не только в филологии, но и в гуманитарном знании в целом.

Интерпретировать текст — значит адекватно понять его содержание, выраженное с помощью различных сигналов заключенной в тексте информации разных видов (логической, эстетической (Моль 1966), содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной, содержательно-подтекстовой

(Гальперин 1980), главной, дополнительной и т. д.). В широком смысле под информацией понимаются различные знания личности и социума о мире.

Особенно сложно интерпретировать художественные тексты, включая поэтические. При этом необходимо опираться на достижения исследователей, внесших значительный вклад в развитие отечественной стилистики художественной речи: работы В. В. Виноградова (Виноградов 1959; 1963; 1971), Г. О. Винокура (Винокур 1959), Б. А. Ларина (Ларин 1974), Е. Г. Ковалевской (Ковалевская 2012) и многих других.

Исследователи справедливо подчеркивали эстетическую природу данных текстов, особую роль лексики для выражения образного видения мира писателя, «необходимость учитывать роль культурно-исторического контекста, установление связей текста и подтекста, восприятия затекстовых связей» (Ковалевская 2012, 470). Достижения ученых служат основой для последующего развития современных направлений в стилистике художественной речи, развивающихся в русле новой коммуникативно-когнитивной парадигмы.

При коммуникативно-деятельностном подходе к тексту в аспекте диалога автора и адресата необходимо дифференцировать понятия *содержание — семантика — смысл*.

В. В. Одинцов в монографии «Стилистика текста» (Одинцов 1980, 15) к категории *содержания* отнес *тему, материал, идею, сюжет*. Категория формы, по мнению исследователя, включает *язык, композицию, прием*. Данный подход к тексту важен для моделирования его уровневой организации и был учтен нами при рассмотрении текста как многоаспектного феномена, который можно исследовать в лингвистическом и экстралингвистическом аспектах. Это связано с тем, что текст является речевым произведением и отражает «создательство» автора и адресата. В связи с этим он может быть рассмотрен как в лингвистическом аспекте (с точки зрения его речевой репрезентации), так и в экстралингвистическом аспекте (с точки зрения «стоящей» за текстом дей-

ствительности и языковых личностей автора и читателя, их первичной и вторичной коммуникативной деятельности).

При коммуникативно-деятельностном подходе к тексту под его *содержанием* нами понимается отраженная в тексте и преломленная через сознание автора информация о мире, включающая индивидуально-авторскую оценку и эмоции. Содержание текста включает фрагмент концептуальной картины мира автора, выраженный в языковой и неязыковой форме (композиционно, логически, графически) в соответствии с авторскими интенциями с учетом фактора адресата.

Семантика текста репрезентируется значениями языковых единиц, «обладающих способностью во взаимодействии друг с другом отражать объективную действительность» (Баженова, Котюрова 2016, 388). При этом важно акцентировать *фактор их взаимодействия*, значимый для их семантической трансформации в соответствии с целями автора и его видением мира.

Смысл текста у каждого, кто его воспринимает и интерпретирует, в значительной мере субъективен, т. к. зависит не только от речевой организации текста, но и от информационного тезауруса и ценностных ориентиров воспринимающего субъекта. Важны и такие объективные факторы, как влияние композиции и графических средств на формирование смысла.

В экстралингвистическом аспекте с учетом уровневой организации текста, в котором, согласно нашей концепции (Болотнова 1992; 2023), выделяются *информационно-смысlovой уровень* (он включает предметно-логический (денотативный), тематический и сюжетно-композиционный подуровни) и *прагматический уровень* (в его состав входят образный, эмоционально-оценочный и идейный подуровни). Уровневая организация текста важна при анализе его поверхностного и глубинного смысла.

Методы исследования

Для анализа смысловой организации текста в коммуникативной стилистике была

разработана методология, включающая комплекс методов, связанных с теорией регулятивности, теорией текстовых ассоциаций и смыслового развертывания текста (Болотнова 2021; 2023; Болотнова и др. 2011). В данной статье, связанной с рассмотрением поверхностного и глубинного смысла поэтических текстов, используются контекстуальный анализ, а также семантико-стилистический и метод слово-образ, учитывая особенности этого типа текстов (Кожина и др. 2020, 33–34).

Ход и результаты исследования

Поверхностный смысл текста связан с имеющейся в нем содержательно-фактуальной информацией (термин И. Р. Гальперина). Она формируется в сознании читателя в процессе линейного развертывания текста благодаря актуализации семантики использованных автором языковых средств. В свете данной концепции очевидно, что содержательно-фактуальная информация, на основе которой формируется *поверхностный смысл текста*, связана с его предметно-логическим (денотативным), тематическим и сюжетным подуровнями.

Глубинный смысл формируется в сознании адресата на основе анализа представленной в нем содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации благодаря восприятию элементов всех уровней общей системы текста. При этом, как отмечали исследователи, реализуется механизм «накапливания и укрупнения» информативных признаков сигналов (Зимняя 1976, 19), значимый для смыслового развертывания текста в сознании адресата. Различные семантические признаки описываемых в тексте реалий могут связываться отношениями дополнения, усиления и контраста (Болотнова 1992; 2023).

В интерпретационной деятельности читателя необходимо учитывать специфику текста, важную для приобщения к его содержанию. Обратимся к особенностям поэтического текста. Информация, которую он содержит, является эстетической. Она от-

ражает знания о мире в образной форме в целях самовыражения автора и художественного воздействия на адресата. Об этом не раз писали ученые. Е. Г. Ковалевская справедливо отмечала: «Поэтическая речь — образно-эстетическая организация и трансформация языковых средств для создания художественных образов — основных категорий художественного текста» (Ковалевская 2012, 510). В статье «Слово в тексте художественного произведения» Е. Г. Ковалевская подчеркивала «широкую, диффузность» значения слова в художественном тексте «в силу насыщения на обычные ассоциации человека ассоциаций данного автора, т. е. конкретных поэтических ассоциаций» (Ковалевская 2012, 465).

В качестве главной особенности художественных текстов М. Н. Кожина определила *художественно-образную речевую конкретизацию*, которая проявляется «в такой намеренно созданной по законам искусства организации языковых средств в речевой ткани художественного произведения, благодаря которой слово-понятие «переводится» в слово-образ (художественный), становится выражением индивидуально-неповторимых, как бы видимых внутренним зренiem, целостных художественных образов (и их элементов — «микрообразов»), пропущенных через эстетическую оценку писателя» (Кожина 2016, 585).

Диалог читателя с текстом включает не только формирование адекватных тексту представлений о его смысле, но и о его pragmatike — характере эмоционально-оценочного воздействия на адресата, способности вызвать «лирическую» эмоцию, ответный отклик, духовное сопререживание. Для восприятия и интерпретации поэтического текста важно обладать коммуникативной, психологической и духовной культурой. Это связано с такими особенностями данного текста, как его повышенная эмоциональность, ассоциативность, «смысловая осложнённость слова» (Б. А. Ларин), значимость звуковой стороны речи (ритма, рифм, метра, размера) и эмоциональное

отношение к звукам (Д. Н. Овсянко-Куликский, В. П. Якубинский и др.); особая роль иносказаний (А. А. Потебня); ассоциативные формы когезии (И. Р. Гальперин) и другие (Болотнова 1992, 22–24).

Например, в стихотворении А. А. Ахматовой «В последний раз мы встретились тогда...» (Ахматова 1995) поверхностный смысл можно определить как рассказ о последней встрече в Петербурге ранее знавших друг друга мужчины и женщины-поэта.

С точки зрения предметно-логического уровня текста на это указывает языковая презентация описываемых реалий: персонажей (лирической героини и героя) — мы, он, я, мне; поэт («быть поэтом»); петербургского пейзажа, конкретизирующего место встречи (набережная; Нева; высокий царский дом, Петропавловская крепость). Тема стихотворения — воспоминание лирической героини о последней встрече с ранее близким ей человеком. Сюжет текста — описание события — последней встречи (ср. лексемы: последний, последняя, встретились; где всегда встречались):

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались.
Была в Неве высокая вода,
И наводненья в городе боялись.
Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине — нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость! —
Затем что воздух был совсем не наш,
А как подарок Божий — так чудесен.
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен.

Январь 1914 г.

Глубинный смысл стихотворения формируется на основе всей системы поэтического текста и приобщения читателя к имеющейся в тексте идейно-эстетической информации, отражающей горечь расставания лирической героини с ранее любившим ее мужчиной. Этот глубинный смысл, отражающий общую эстетическую информацию поэтического текста, вытекает из рассмотрения его образного и эмоционально-оценочного

уровней. Например, образ лирической героини формируется на основе ее овеянного грустью воспоминания о последней встрече с ранее близким человеком через предельно точно запечатленные в памяти детали, связанные с конкретизацией места и времени встречи. О ее важности для лирической героини можно судить по эмоциональному восклицанию на фоне общего спокойного повествования (*Как я запомнила высокий царский дом / И Петропавловскую крепость!*). Важно и описание общей атмосферы встречи, в котором значимы эпитеты и сравнение: *Затем что воздух был совсем не наш, / А как подарок Божий — так чудесен. / И в этот час была мне отдана / Последняя из всех безумных песен.*

Образ лирического героя косвенно репрезентирован через содержание его речи, отражающее мотив непонимания, видимо, и являющийся причиной расставания: *Он говорил о лете и о том, / Что быть поэтом женщине — нелепость.* В этом суждении особенно показательно использование оценочной лексемы *нелепость*.

Общая эмоциональная тональность поэтического текста варьируется от спокойной констатации (*В последний раз мы встретились тогда / На набережной, где всегда встречались...*) к эмоциональному возгласу на фоне воспоминаний (*Как я запомнила высокий царский дом / И Петропавловскую крепость!*) и далее к овеянной грустью высокой тональности воспоминания в целом, подводящего итог любовной драмы (ср. использование лексем (*подарок Божий, чудесен, последняя из всех безумных песен*)). Рамочная композиция с акцентом в начале и в конце стихотворения на ключевом слове *последний* (*последний раз, последняя песня*) определяет общий идейно-эстетический смысл поэтического текста, акцентируя грусть расставания.

Таким образом, в формировании глубинного смысла текста необходимо учитывать образный, эмоционально-оценочный и идейно-эстетический уровни его организации. В интерпретационной деятельности для вы-

явления глубинного текста важно опираться и на биографический контекст, учитывать время и историю создания художественного произведения «стоящим» за текстом автором. Применительно к рассмотренному стихотворению это включает проекцию на взаимоотношения А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилёва.

Поверхностный и глубинный смысл текста можно рассмотреть и в аспекте теории регулятивности, разработанной в коммуникативной стилистике текста (Болотнова 2021; Болотнова и др. 2011). Согласно этой теории, текст как форма коммуникации имеет в качестве системного качества регулятивность, связанную с информативностью, структурностью, интегративностью, и выполняет регулятивную функцию, «управляя» познавательной деятельностью адресата (Сидоров 1987).

На уровне элементов текста выделяются регулятивные средства, которые, взаимодействуя, образуют регулятивные структуры (стилистические приемы, текстовые парадигмы, типы выдвижения), их особенности определяются творческим замыслом автора и используемыми им регулятивными стратегиями (последовательно-дополнительной, усиленно-конвергентной или парадоксально-контрастивной).

Лингвистическая и экстравербальная реализация регулятивности в системе текста вызывает определенный регулятивный эффект, на основе которого формируется представление о смысле текста в сознании адресата. Регулятивность поэтического текста в силу особого художественного мировидения автора как поэтической языковой личности имеет свою специфику: ассоциативность, нежесткий характер, лексикоцентричность, непредсказуемость (Болотнова 2021).

Как показал анализ, в свете теории регулятивности *поверхностный смысл* поэтического текста формируется на основе ярко выраженных *регулятивных доминант*, прежде всего находящихся в сильной позиции текста или связанных с усилением смыслово-

вых признаков описываемых реалий, непосредственно актуализированных в семантике использованных автором языковых средств. При этом в интерпретационной деятельности читателя опора происходит на *сильные регулятивные средства и эксплицитную регулятивную стратегию текста*, когда ключ к смысловой интерпретации выражен прямо одной из регулятивных структур или несколькими структурами.

Что касается *глубинного смысла* поэтического текста, очевидно, что для его интерпретации необходимо опираться на косвенные регулятивные сигналы, выраженные *слабыми регулятивными средствами* разных типов (не только языковыми, но и графическими, логическими, композиционными), а также *имплицитной регулятивной стратегией* текстового развертывания в целом. Она связана с различными аллюзиями, намеками, стимулированными лексически и основанными на прямых и косвенных ассоциациях в рамках общего ассоциативного развертывания текста.

В качестве примера обратимся к стихотворению Ю. Левитанского «Все проходит в этом мире...» (Левитанский 1970):

*Всё проходит в этом мире, снег сменяется
дождём,
всё проходит, всё проходит, мы пришли, и мы
уйдём.*

*Всё приходит и уходит в никуда из ничего.
Всё проходит, но бесследно не проходит ничего.
И, участвуя в сюжете, я смотрю со стороны,
как текут мои мгновенья, мои годы, мои сны,
как сплетается с другими эта тоненькая нить,
где уже мне, к сожалению, ничего не изменить,
потому что в этой драме, будь ты шут или
король,*

*дважды роли не играют, только раз играют
роль.*

*И над собственную ролью плачу я и хохочу,
по возможности достойно доиграть своё хохочу —
ведь не мелкою монетой, жизнью собственной
плачу
и за то, что горько плачу, и за то, что хохочу.*

Поверхностный смысл стихотворения можно определить как актуализацию идеи вечного движения в природе и жизни человека.

С точки зрения регулятивности поэтического текста об этом можно судить по повторам ключевого суждения как регулятивной доминанте в системе текста, вынесенной в сильную позицию начала стихотворения и далее многократно повторяемой: «*Все проходит в этом мире...*». Общая сильная регулятивная стратегия усилительно-конвергентного эксплицитного типа вполне определенно стимулирует в сознании читателя данный смысл.

При более глубоком погружении в текст можно говорить о смысловых нюансах его эстетического содержания на основе приобщения к концептуальной и подтекстовой эстетической информации стихотворения. Первая строка задает общую философскую тональность последующему размышлению лирического героя Ю. Левитанского о мироустройстве, основанном на параллелизме мира природы и жизни человека (*Всё проходит в этом мире, снег сменяется дождём...*).

Далее актуализируются концепт *вечное движение* и концептуальная структура *жизнь — смерть* (*всё проходит, всё проходит, мы пришли, и мы уйдём*). Средствами их актуализации в перспективе текста являются смешанный лексико-сintаксический повтор как ключевая регулятивная структура, выраженная приемом синтаксического параллелизма с анафорой, и текстовые парадигмы синонимического типа (*проходит* (6), *текут* (мгновенья) — *сменяется*) и антонимического типа (*приходит* — *уходит*; *пришли* — *уйдем*).

С точки зрения композиции стихотворение состоит из двух частей. Первая часть состоит из четырех строк, включающих общие рассуждения философского плана о вечном движении и выражаящем идейно-эстетический смысл всего текста в четвертой строке (*Всё проходит, но бесследно не проходит ничего*). Вторая часть отражает размышления лирического героя о себе и своем месте в этом общем контексте с использованием автором регулятивных средств, актуализирующих образ лирического героя

(ср.: *я, мои, мне*, глаголы первого лица единственного числа *плачу, хохочу, хочу*).

Первая часть стихотворения, таким образом, выражает его общий смысл эксплицитно благодаря сильной регулятивной стратегии усилительно-конвергентного типа и использованных поэтом регулятивных доминант, о которых говорилось ранее.

Вторая часть стихотворения содержит подтекстовую информацию с использованием регулятивной стратегии контрастивно-парадоксального типа с использованием в качестве регулятивных структур текстовых парадигм антонимического типа, стимулирующих разные ситуативные ассоциации в сознании читателя. Они связаны с осмыслением разных моментов жизни (*плачу — хохочу* (2); *мелкая монета — жизнь*), разных ролей в ней (*шут — король*) и с осознанием необходимости достойно сыграть эти роли (*И над собственною ролью плачу я и хохочу, / по возможности достойно доиграть своё хохочу...*).

В целом представление о глубинном смысле размышлений лирического героя Ю. Левитанского формируется на основе актуализации во второй части стихотворения мотивов *жизнь — драма; жизнь — пьеса*, в которой каждый человек играет разные роли. Жизнь ассоциируется в представлении лирического героя с *тоненькой нитью* (т. е. готовой оборваться в любой момент), рассматривается как *драма* (...потому что в этой драме, будь ты шут или король, / *Дважды роли не играют, только раз играют роль*).

Коммуникативно-деятельностный подход к поэтическому тексту с использованием методологии коммуникативной стилистики и опоры на теорию регулятивности позволяет актуализировать его глубинный смысл. Он связан с представлением автора о том, что на фоне общего и бесконечного движения в мироздании (*Все приходит и уходит в никуда из ничего*) нужно дорожить жизнью (*Все проходит, но бесследно не проходит ничего*). Она дается только раз, и каждый человек должен достойно сыграть в ней свою роль.

Выводы

Вполне очевидно, что для выявления эстетического смысла поэтического текста важны не только тезаурус и общая духовная культура читателя. Значимы и такие факторы, как особенности определенного типа текста и анализ его уровневой организации, а также системное осмысление использованных автором не только регулятивных языковых средств и структур, но и композиционных и графических элементов общей системы текста. Именно они определяют особенности его восприятия и интерпретации и позволяют судить о его поверхностном и глубинном смысле.

Методика анализа поверхностного и глубинного смысла *поэтического текста* при коммуникативно-деятельностном подходе к нему предполагает учет его особенностей (образность, ассоциативность, повышенную эмоциональность, особую роль слов и другие) с опорой на разные уровни его организации (предметно-логический, тематический, сю-

жетно-композиционный — при выявлении поверхностного смысла; эмотивный, образный, идейно-эстетический уровни — при выявлении глубинного смысла произведения).

Для анализа поверхностного смысла поэтического текста необходима опора на языковые регулятивные доминанты и эксплицитную регулятивную стратегию текста. В определении глубинного смысла важно учитывать не только его поверхностный смысл, но и опираться на ассоциативную деятельность читателя, стимулированную регулятивностью всего текста, включая не только его языковую организацию, но и графические и композиционные средства, отражающие содержательно-концептуальную и подтекстовую информацию в рамках имплицитной регулятивной стратегии текстового развертывания.

Разработка различных методик смыслового анализа текста как формы коммуникации относится к числу наиболее актуальных проблем современной лингвистики и теории текста.

ИСТОЧНИКИ

Ахматова, А. А. (1995) В последний раз мы встретились тогда... В кн.: «Узнают голос мой». Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта. 2-е изд. М.: Педагогика-Пресс, 544 с.

Левитанский, Ю. (1970) Все проходит в этом мире... В кн.: Кинематограф. М.: Советский писатель, 128 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баженова, Е. А., Котюрова, М. П. (2016) Смыловая структура текста. В кн.: М. Н. Кожина (ред.). Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта; Наука, с. 388–392.

Болотнова, Н. С. (1992) Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 313 с.

Болотнова, Н. С. (2021) Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 384 с.

Болотнова, Н. С. (2023) Филологический анализ текста. 7-е изд. М.: Флинта; Наука, 520 с.

Болотнова, Н. С., Бабенко, И. И., Бакланова, Е. А. и др. (2011) Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 492 с.

Виноградов, В. В. (1959) О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 656 с.

Виноградов, В. В. (1963) Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во Академии наук, 253 с.

Виноградов, В. В. (1971) О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 240 с.

Винокур, Г. О. (1959) Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 492 с.

Гальперин, И. Р. (1981) Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 138 с.

Зимняя, И. А. (1976) Психологическая схема смыслового восприятия. В кн.: *Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации)*. М.: Наука, с. 5–33.

Ковалевская, Е. Г. (2012) *Избранное. 1963–1999*. СПб.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 687 с.

Кожина, М. Н. (2016) Художественно-образная речевая конкретизация. В кн.: *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. М.: Флинта; Наука, с. 585–594.

Кожина, М. Н., Дускаева, Л. Р., Салимовский, В. А. (2020) *Стилистика русского языка*. 8-е изд., стер. М.: Флинта, 464 с.

Ларин, Б. А. (1974) *Эстетика слова и язык писателя: избранные статьи*. Л.: Художественная литература, 285 с.

Моль, А. (1966) *Теория информации и эстетическое восприятие*. М.: Мир, 381 с.

Одинцов, В. В. (1980) *Стилистика текста*. М.: Наука, 264 с.

Сидоров, Е. В. (1987) *Проблемы речевой системности*. М.: Наука, 140 с.

SOURCES

Akhmatova, A. A. (1995) V poslednij raz my vstrelis' togda... [The last time we met was then...]. In: "Uznayut golos moy". *Stikhotvoreniya. Poemy. Proza. Obraz poeta* ["They will recognize my voice". Poems. Poems. Prose. The image of the poet]. 2nd ed. Moscow: Pedagogika-Press Publ., 544 p. (In Russian)

Levitanskij, Yu. (1970) Vse prokhodit v etom mire... [Everything passes in this world...]. In: *Kinematograf* [Cinematography]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ., 128 p. (In Russian)

REFERENCES

Bazhenova, E. A., Kotyurova, M. P. (2016) Smyslovaya struktura teksta [The semantic structure of the text]. In.: M. N. Kozhina (ed.). *Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar' russkogo jazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., pp. 388–392. (In Russian)

Boletnova, N. S. (1992) *Khudozhestvennyj tekst v kommunikativnom aspekte i kompleksnyj analiz yediniti leksicheskogo urovnya* [Literary text in the communicative aspect and complex analysis of units of the lexical level]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 313 p. (In Russian)

Boletnova, N. S. (2021) *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of the text: dictionary-thesaurus]. 3rd ed. Moscow: Flinta Publ., 384 p. (In Russian)

Boletnova, N. S. (2023) *Filogicheskij analiz teksta* [Philological analysis of the text]. 7th ed. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 520 p. (In Russian)

Boletnova, N. S., Babenko, I. I., Baklanova, E. A. et al. (2011) *Kommunikativnaya stilistika teksta: lek- sicheskaya reguljativnost' v tekstovoj deyatel'nosti* [Communicative stylistics of the text: Lexical regulation in text activity]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 492 p. (In Russian)

Galperin, I. R. (1981) *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: Nauka Publ., 138 p. (In Russian)

Kovalevskaya, Ye. G. (2012) *Izbrannoye. 1963–1999* [Selected Works. 1963–1999]. Saint Petersburg; Stavropol: Saratov State University Publ., 687 p. (In Russian)

Kozhina, M. N. (2016) *Khudozhestvenno-obraznaya rechevaya konkretizatsiya* [Artistic and Figurative Speech Specification]. In.: *Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar' russkogo jazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., pp. 585–594. (In Russian)

Kozhina, M. N., Duskaeva, L. R., Salimovskij, V. A. (2020) *Stilistika russkogo jazyka* [Stylistics of the Russian Language]. 8th ed. Moscow: Flinta Publ., 464 p. (In Russian)

Larin, B. A. (1974) *Estetika slova i yazyk pisatelya: izbrannye stat'i* [Aesthetics of the word and the language of the writer: Selected articles]. Leningrad: Khudozhestvennaya literature Publ., 285 p. (In Russian)

Mol, A. (1966) *Teoriya informatsii i esteticheskoe vospriyatiye* [Information Theory and Aesthetic Perception]. Moscow: Mir Publ., 381 p. (In Russian)

Odintsov, V. V. (1980) *Stilistika teksta* [Text Stylistics]. Moscow: Nauka Publ., 264 p. (In Russian)

Sidorov, E. V. (1987) *Problemy rechevoj sistemnosti* [Problems of Speech Systematics]. Moscow: Nauka Publ., 140 p. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1959) *O yazyke khudozhestvennoj literatury* [On the Language of Fiction]. Moscow: Goslitizdat Publ., 656 p. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1963) *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics]. Moscow: Academy of Sciences Publ., 253 p. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1971) *O teorii khudozhestvennoj rechi* [On the Theory of Fiction]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 240 p. (In Russian)

Vinokur, G. O. (1959) *Izbrannyye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 492 p. (In Russian)

Zimnyaya, I. A. (1976) Psikhologicheskaya skhema smyslovogo vospriyatiya. V kn.: *Smyslovoye vospriyatiye rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoj kommunikatsii)* [Psychological schema of semantic perception. In the book: Meaningful perceptions of speech communication (in mass communication)]. Moscow: Nauka Publ., pp. 5–33. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

БОЛОТНОВА Нина Сергеевна — *Nina S. Bolotnova*

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия.

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia.

SPIN-код: [3708-6465](#), Scopus AuthorID: [57110427900](#), ORCID: [0000-0003-4655-5194](#), e-mail: nsb@tspu.ru

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка.

Поступила в редакцию: 23 декабря 2024.

Прошла рецензирование: 10 января 2025.

Принята к печати: 11 марта 2025.